

ВЕХА РЕФОРМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛИБЕРАЛЬНО-РЫНОЧНЫЙ РОМАНТИЗМ И РЕАЛИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

С. В. Чупров

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
24 марта 2016 г.

Дата принятия к печати
4 апреля 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 апреля 2016 г.

Ключевые слова

Возмущение; индекс производства; либерализм; модель; монетаризм; неравновесие; промышленное предприятие; равновесие; развитие; регион; самоорганизация; управление; устойчивость; шоковая терапия

Аннотация

Наступающее 25-летие со времени шоковой терапии, которая положила начало рыночным преобразованиям в России, — резонный повод провести анализ ее экономических последствий. Стремление к преодолению нарастающего товарно-денежного неравновесия и дефицита бюджета приемами монетарной доктрины в 90-е гг. прошлого века обернулось небывалыми спадом производства и инфляцией, имевшими своим результатом долговременные разрушительные процессы в промышленном комплексе России. Либерально-рыночный романтизм оказался не адекватным российской экономической реальности и был развеян хозяйственной жизнью, насыщенной интенсивными переменами переходного периода. В статье сравниваются монетаристская и кейнсианская модели макроэкономического регулирования в аспекте устойчивости динамики отечественной индустрии. Предложен анализ индексов промышленного производства по видам экономической деятельности РФ и Иркутской области в 1992–2015 гг. Охарактеризовано современное положение индустриального комплекса Иркутской области по ряду экономических показателей. Сделан вывод о том, что необходимо привлечение инструментов государственного управления для регулирования динамичного функционирования региональной промышленности и обеспечения ее развития в период институциональных перестроек и дерзких вызовов глобализации экономики.

REFORM MILESTONE FOR THE INDUSTRY OF RUSSIA AND IRKUTSK REGION: LIBERAL MARKET ROMANTICISM VS REALISM OF GOVERNANCE

Sergey V. Chuprov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received
March 24, 2016

Accepted
April 4, 2016

Available online
April 29, 2016

Keywords

Perturbation; production index; liberalism; model; monetarism; imbalance; industrial enterprise; balance; development; region; self-management; management; stability; shock therapy

Abstract

The upcoming 25th anniversary of the shock therapy that started the market reforms makes a good pretext for analyzing its economic consequences. Attempts to overcome the growing commodity-money imbalance and budget deficit by means of the monetary policy in 1990ies resulted in an extraordinary decline in production and inflation that triggered long-term disruptive processes in the Russian industrial complex. Liberal-market romanticism proved to be ill-suited to Russia's economic reality and was completely dispelled by the intense changes of the transition period. This paper compares Monetary and Keynesians models for the economic regulation in terms of the stable dynamics of Russia's industry. The analysis for the indices of industrial production by type of economic activity in the Russian Federation and Irkutsk region in 1992–2015 is proposed. The current state of the industrial complex of Irkutsk region across a range of economic indicators is outlined. The research findings suggest that the tools of the public management should be employed in regulation of the dynamic performance of the regional industry to provide its development during institutional changes and daring challenges of the economic globalization.

Грядущая века рыночных преобразований в России — четверть века со времени шоковой терапии января 1992 г. — побуждает хотя бы очерком обрисовать контуры пореформенной индустрии России и Иркутской области. Воплощенный в стране сценарий монетаристской доктрины обнаруживает примечательные последствия, которые дают ответы на дискуссии, восходящие к теории и практике экономических преобразований переходного периода. Научная ценность реальных результатов внедрения проекта либерализации российской экономики в отличие от гипотетических ожиданий апологетов шоковых реформ определяется прежде всего тем обстоятельством, что классическая экономическая теория основывалась на присущих стационарной среде воззрениях, тогда как институциональная трансформация России сопровождалась каскадами нестационарных процессов с быстрыми и гигантскими базисными переменами.

Закономерен вопрос: способны ли постулаты канонической экономики стать путеводными для осуществления современных перестроек, осложненных накалом социальных противоречий, динамизмом и неопределенностью экономического пространства? Могут ли на таком сильно возмущенном фоне рецепты монетарной ортодоксии служить сегодня неоспоримыми правилами преобразования хозяйственного комплекса России, испытывающего перманентные вызовы и угрозы глобализации и мирового кризиса?

Нам памятно, что подобного рода вопросы не давали покоя экономистам, политикам, руководителям предприятий и были в центре дебатов и альтернативных программных разработок в 80-е гг. XX в. Исповедуя идеи Чикагской школы монетаризма, правительство Е. Гайдара видело решение задачи преодоления товарно-денежного неравновесия и дефицита бюджета в стране путем либерализации ценообразования с опорой на стихийное саморегулирование «свободного рынка». Поскольку денежная масса превышала товарную, то, по гипотезе реформаторов, освобождение цен на товары от каких-либо ограничений позволит сблизить обе массы. При этом предполагалось, что платежные возможности покупателей отведут от соблазна непомерного «взвинчивания» цен, их взлет со временем сменится снижением, и они станут доступными для приобретения товаров.

Воспользуемся монетаристской и кейнсианской моделями макроэкономического регулирования и проведем анализ устойчивости экономической динамики российской

индустрии в переходный период [1]. Они отличаются друг от друга содержанием обратной связи и структурно их можно проиллюстрировать тем, что в цепь обратной связи монетаристской модели включены предложение денег (масса денег $M2$) и совокупный спрос (рис. 1), а в кейнсианской модели — спрос на деньги и инвестиции и совокупный спрос (рис. 2).

Рис. 1. Монетаристский вариант обратной связи национального продукта

Рис. 2. Кейнсианский вариант обратной связи национального продукта

Сравнение моделей показывает: в монетаристской модели отсутствует спрос на инвестиции, тогда как в более сложной кейнсианской модели он учитывается и воздействует на совокупный спрос, вследствие чего настройка второй модели более искусна, чем первой, и трудна для реализации в хозяйственной практике.

Либерально-рыночная концепция монетаризма исходит из предпосылки устойчивости ее модели, которая обеспечивается регулированием денежной массы $M2$, оказывающей влияние через совокупный спрос на национальный продукт. Вследствие этого с наращиванием национального продукта увеличивается и спрос на денежную массу, а та влечет за собой рост совокупного спроса и расширение масштабов производства национального продукта. В ином случае, когда производство национального продукта сокращается, требуется меньшее количество денег, которые понижают совокупный спрос и предложение национального продукта. Благодаря этому включенная в цепь обратной связи денежная масса $M2$ выполняет регулирующее воздействие на массу национального продукта.

Между тем в условиях внезапных и масштабных перестроек существенным становится свойство модели «справляться» с динамикой и тенденциями экономических процессов, тогда как она остается слабо чувствительной к изменению внемоделных характеристик переходного периода. Речь, в частности, идет

о том, что в либерализованной российской экономике национальный продукт прирастал не количеством произведенных товаров, а прежде всего «вкладом» высокой инфляции. Предполагая рост цен, производители закладывают будущие издержки в себестоимость продукции и тем вызывают инфляцию предложения, а вместе с ней и избыточный спрос на деньги. Однако последний отнюдь не гарантирует соответствующего увеличения совокупного спроса на товары и достижения их равновесия вследствие спада промышленного производства и финансовых ограничений покупателей товаров.

Более того, во взаимообусловленности с этим цены повышаются и из-за инфляции спроса и рецессии объемов производства товаров, что еще больше разгоняет инфляцию. По мнению Н. Н. Моисеева, рыночный механизм снабжен обратной связью лишь по состоянию системы и поэтому ему свойственно откликаться только на ее моментальное положение, но он не способен к саморегулированию системы на основе ее тенденциального развития. «Для устойчивости необходима еще по меньшей мере обратная связь по скорости и ускорению, т. е. учет тенденций. — убежден он. — Но этого рыночный механизм уже не может реализовать принципиально!» [2, с. 94–95].

Известно, что в кейнсианской модели (см. рис. 2) влияние на совокупный спрос опосредуется инвестициями, и мультипликатор их дает аргументацию тому обстоятельству, что доходы от продажи национального продукта пропорциональны инвестициям и увеличиваются с повышением предельной склонности к потреблению, поэтому с нарастанием переходных процессов, типичных для трансформационной экономики, устойчивость промышленных предприятий поддерживается усилением управляющих сигналов. В такой ситуации правительство с помощью бюджетной политики и финансового маневра может создать условия для уменьшения разрыва между сбережениями и инвестициями и вывода российской экономики из воспроизводственного кризиса, содействуя сглаживанию товарно-денежного неравновесия [3].

Между тем упование идеологов либеральной реформы на балансирующую роль механизма равновесия спроса-предложения вне государственного регулирования цен лишь усугубило проблему и обернулось лавинообразно нарастающими темпами вынужденной эмиссии наличных денег. Обратим внимание на официальную статистику. В декабре 1992 г. по сравнению с декабрем

1991 г. «взбесившиеся» оптовые цены в промышленности увеличились многократно — в 34 раза, а потребительские цены в 26 раз! Гиперинфляция не могла не вызвать резко возросшую потребность в денежных средствах: если в 1990 г. эмиссия наличных денег составила 28 млрд р., то в 1991 г. уже 89 млрд р., а в 1992 г. она увеличилась за год в 17 (!) раз — 1 513 млрд р. [4, с. 6]. Наряду с товарно-денежным дисбалансом укоренились долговременные депрессионные процессы в промышленном производстве.

В предвидении подобного исхода форсированного перевода российской экономики на рыночные отношения было мало сомнений. В научном сообществе ученых-экономистов (за редким исключением) сложилось консолидированное мнение об ущербном характере сценария шоковой терапии. Л. И. Абалкин [4], А. Г. Аганбегян [5], Д. С. Львов [6], Н. П. Федоренко [7] и их коллеги не скрывали своего пессимизма и беспокойства. Ведь свободный рынок остался в прошлом, продолжительность кризиса и масштабы потерь от шоковой терапии беспрецедентны для мирного времени, причем порожденные ими разрушительные тенденции могут стать необратимыми. Зарубежные экономисты с мировым именем, лауреаты Нобелевской премии Л. Клейн, В. Леонтьев, Д. Норт, Дж. Тобин, К. Эрроу, а также Дж. Гэлбрейт¹ и их российские коллеги Л. И. Абалкин, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, А. Д. Некипелов, Н. Я. Пятраков, С. А. Ситарян, С. С. Шаталин, Н. П. Шмелев, Ю. В. Яременко и другие провозгласили себя приверженцами умеренного подхода к экономическим реформам, полагая, что шоковая терапия доказала свою неэффективность как с экономической, так и политической стороны [8]. При этом они призывали разработать конструктивную государственную программу преобразований и отказывали свободным рынкам в способности стихийно обеспечить перераспределение ресурсов в колоссальных масштабах.

В эпоху радикальных преобразований, обильно насыщенных перестроечными возмущениями, надежда на самоорганизацию и стихийное регулирование хозяйственной деятельности не имела убедительных осно-

¹ Не без сарказма выразил он свою мысль по поводу свободного рынка. «Те, кто говорит — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита, — иронизировал Дж. Гэлбрейт, — не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера» [9, с. 5].

ваний. «В отличие от проправительственных экономистов, — уточняет А. Д. Некипелов, — Отделение экономики РАН всегда выступало за активное регулирование государством рыночной трансформации экономики, сосредоточение в его распоряжении значительных финансовых ресурсов для проведения продуманной промышленной и социальной политики» [10, с. 13].

Читатели знают, что стремительные темпы реформирования отечественной экономики, которые ускорили и без того тревожно набегающие кризисные тенденции, были продиктованы не только логикой либеральных реформ, но и политическим расчетом. В представленном В. А. Коптюгом, В. М. Матросовым, В. К. Левашовым и Ю. Г. Демянко в 1995 г. докладе «Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии» на пленарном заседании научно-практического семинара РАН и Аналитического управления Администрации Президента РФ следующим образом раскрывался замысел российского истеблишмента: «Курс либеральных реформ кардинально расходится с возможными маршрутами перехода страны к устойчивому развитию. Главный методологический порок стратегии реформирования заключается в ставке на скорейшее достижение необратимости реформ, вылившейся в тотальное разрушение экономических, политико-государственных, социальных и этических основ социалистического общества мобилизационного типа, и догматическое использование методов рыночной стабилизации» [11, с. 478, 480].

Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности Российской Федерации в 1992–2015 гг. (табл. 1) характеризуют неравномерность развития индустриального комплекса страны². Бросается в глаза, что в 1992–1996 гг. наблюдалось монотонное снижение индекса промышленного производства, как шлейф хаотизации российской экономики после шоковой терапии. Впрочем, и последующий рост был достаточно нестабильным и прерывался в год потрясений (1998) или следом за ними (2009, 2015).

Изменение индекса добычи полезных ископаемых носило неровный и по отношению к индексу промышленного производ-

ства переменный характер, имея фазы как опережающего (1992–1996, 2001–2002), так и отстающего (1999–2000, 2003–2008, 2010–2012) роста. Более чувствительное к кризису обрабатывающее производство (индекс варьировал от 72,8 до 112,8 %) в первые годы (1992–1996) «пикировало» сильнее, перелом наступил в 1997 г. и в дальнейшем его индекс был лабильным, причем восстановление после кризисных 1998 и 2008 гг. проходило скорее, чем в добывающих отраслях. При этом весьма уязвимо оказалось высокотехнологичное производство электронного, оптического и электрооборудования, индекс которого менялся в диапазоне от 60,2 (1994) до 143,2 % (2003), а производство машин и оборудования — от 62,6 (1994) до 126,7 % (2007). Индекс производства и распределения электроэнергии, газа и воды имел сравнительно меньший размах — от 91,2 до 104,8 %.

Наряду с этим, если взять за точку отсчета год «краха» плановой экономики (1991), то динамика индекса промышленного производства в России оставит удручающее впечатление. До сих пор по ряду видов экономической деятельности не достигнут уровень этого года, а то и находится далеко ниже его. Среди них обработка древесины и производство изделий из дерева, производство машин и оборудования, производство транспортных средств и оборудования, обрабатывающее производство в целом (лишь к 2000 г. его индекс производства едва поднялся до 50,9 % показателя 1991 г.)³.

С погружением в стихию переходного периода назревала необходимость научного осмысления факторов и характера негативных тенденций, охвативших экономику Иркутской области, и поиска решительных мер по обузданию и локализации кризисных процессов и последующего обеспечения устойчивого социально-экономического развития Приангарья. В этой связи в 1995 г. впервые в постсоветский период в г. Иркутске состоялась региональная научно-практическая конференция «Иркутская область — проблемы и перспективы развития», на которой были представлены две концепции преодоления кризиса и основными направлениями обсуждения стали «Экономическая политика», «Экологическая политика» и «Механизмы реализации концепции развития области». В работе конференции приняли участие руководители администрации города и депутаты Законодательного Собрания

² Индексы производства по видам экономической деятельности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#.

³ URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#; Россия в цифрах. 2015 : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2015. С. 240–241.

Таблица 1

**Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности Российской Федерации
в 1992–2015 гг., % к предыдущему году**

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Промышленное производство*	84,0	86,3	78,4	95,4	92,4	101,0	95,2	108,9	108,7	102,9	103,1	108,9	108,0	105,1	106,3	106,8	100,6	89,3	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Добыча полезных ископаемых	88,2	89,6	92,0	97,3	97,0	100,2	97,7	104,0	106,4	106,0	106,8	108,7	106,8	101,4	102,8	103,3	100,4	97,2	103,8	101,8	101,0	101,1	101,4	100,3
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	94,7	91,2	93,0	96,8	98,3	100,4	98,9	101,4	104,9	106,1	107,3	110,3	107,7	102,0	102,7	102,7	100,1	98,9	103,6	101,2	100,7	100,9	101,4	100,0
Обрабатывающие производства	81,8	84,6	72,8	94,2	89,7	102,0	93,8	112,8	110,9	102,0	101,1	110,3	110,5	107,6	108,4	110,5	100,5	84,8	110,6	108,0	105,1	100,5	102,1	94,6
Обработка древесины и производство изделий из дерева	78,7	83,6	67,1	92,2	80,1	94,4	95,8	111,2	114,1	97,5	104,2	109,7	108,7	107,1	103,6	107,9	99,9	76,9	113,4	110,2	96,2	108,0	94,7	96,6
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	82,3	82,7	82,8	102,2	94,4	104,2	94,2	108,5	115,3	104,6	105,1	107,2	103,9	107,0	109,7	104,5	97,8	83,6	112,4	107,0	104,8	100,0	100,6	93,5
Производство машин и оборудования	84,4	82,6	62,6	87,3	80,9	100,1	87,5	113,2	105,7	106,4	91,2	119,0	120,8	99,7	111,7	126,7	99,5	66,8	115,2	111,1	102,7	96,6	92,2	88,9
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	79,8	87,7	60,2	88,5	91,9	99,8	100,3	105,5	125,0	108,4	92,3	143,2	134,5	133,2	115,0	110,9	92,6	68,4	118,9	111,9	106,4	99,0	99,5	92,1
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	88,4	66,7	89,5	95,0	111,5	88,4	113,8	110,7	73,6	99,0	114,0	111,5	107,1	104,7	107,8	100,4	68,5	127,2	117,2	110,3	102,2	108,5	91,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	95,3	95,3	91,2	96,8	97,3	98,2	97,7	98,8	104,0	101,4	104,8	103,3	101,1	100,9	103,4	99,4	100,6	97,3	102,2	100,2	101,3	97,5	99,9	98,4

* С учетом поправки на неформальную деятельность.

Иркутской области, а также вице-президент РАН, председатель президиума СО РАН академик В. А. Коптюг, на которой депутат С. Г. Левченко предложил альтернативную концепцию развития региона. Участвуя в подготовке альтернативной концепции в противовес либеральной, наша команда во главе с С. Г. Левченко стремилась направить бурное течение региональных социально-экономических процессов в управляемое русло, для чего вернуть механизм их регулирования для достижения целей комплексного и социального развития Иркутской области. Попытка внедрения «прообраза» государственного управления в реальную промышленную политику, поддержанная В. А. Коптюгом, в середине 1990-х гг. не нашла понимания у органов исполнительной власти Приангарья, увлеченных популярной тогда идеей рыночной самоорганизации экономики региона.

Однако риск потерять перспективу развития промышленности Иркутской области с каждым годом давлел сильнее, и намерение предоставить судьбу экономической сферы региона «невидимой руке» рынка не внушало оптимизма. По инициативе и заказу областной и городской администраций коллектив Байкальского государственного университета экономики и права принял участие в формировании программ социально-экономического развития Иркутска (до 2007 г. [12], на 2008–2020 гг. [13]) и Иркутской области (на 2006–2010 гг. [14]), которые содержали разделы по промышленности. В 2012 г. была разработана отдельная Программа развития промышленности Иркутской области [15], а в 2013 г. проведен анализ последствий вступления России во Всемирную торговую организацию для региональной экономики [16]. В 2014 г. были выполнены работы по инициативному проекту «Иркутская область в XXI веке: проблемы и ресурсы развития» [17].

Для формирования и расширения экономических связей между государствами и деловыми партнерами в г. Иркутске с 2000 г. стало традицией проводить Байкальский экономический форум (БЭФ), организаторами которого выступили Совет Федерации ФС РФ, Министерство регионального развития РФ, Министерство экономического развития и торговли РФ и Правительство Иркутской области, с участием руководителей и представителей министерств России, зарубежных государств и отечественной бизнес-элиты⁴.

⁴ VII Байкальский международный экономический форум. История форума [Электронный ресурс]. URL : <http://www.baikforum.ru/qa/history.html>.

В частности, на форумах обсуждались вопросы инвестиционной политики, развития промышленности, системы транспорта и коммуникаций Сибири и Дальнего Востока, взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (БЭФ-2000). В повестке форума нашли отражение проблемы энергетического комплекса России и стран АСЕАН, природно-ресурсного потенциала азиатской части РФ и соседних стран, построения в стране гражданского общества и сохранения оз. Байкала как объекта всемирного наследия (БЭФ-2002). Заседания форума посвящались решению задач экспорта нефти, газа, электроэнергии, создания транспортного коридора через Восточную Сибирь, инвестиционной политике, развитию туристического бизнеса (БЭФ-2004).

В 2006 г. форум сосредоточился на тематике строительства нефтепроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан», освоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения, развития лесопромышленного комплекса, работы финансовых рынков, создания на прилегающей к Байкалу территории особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (БЭФ-2006). В 2008 г. на форуме обсуждали разработки программ комплексного развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, их интеграции в мировое экономическое пространство (БЭФ-2008), а в 2011 г. — Стратегию развития Дальнего Востока и Байкальского региона (БЭФ-2011).

Однако предпринимаемые усилия придать промышленному комплексу Иркутской области рывок и ускоренное развитие в условиях проводимой в России либеральной экономической политики не привели к успеху, хотя и сопровождалась реализацией ряда крупных проектов и способствовали положительным сдвигам в региональной экономике.

В 2011 г. по инициативе КГРФ в г. Иркутске была организована всероссийская конференция по развитию Сибири и Дальнего Востока, в работе которой участвовали депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ (И. И. Мельников, С. Г. Левченко, Н. В. Арефьев, Н. А. Останина и др.), ученые (доктора экономических наук И. Ф. Костяев, Е. Д. Цыренова, С. В. Чупров, доктор географических наук А. Ф. Никольский, доктор технических наук Г. Ф. Ковалев и др.), представители бизнеса и др. Сформулированные по итогам этой конференции предложения о приоритетах и ключевых направлениях социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока между тем остались без

внимания со стороны федеральных и региональных органов власти и управления.

Жизнь развеяла либерально-рыночный романтизм реформаторов: выполняя рекомендации американских советников и игнорируя институциональные особенности российской экономики, было трудно избежать разрастания кризиса и деградации индустрии. Достаточно констатировать, что в Иркутске печальный счет закрытых только машиностроительных предприятий включает многие организации, из них ПО «Восток» (бывший завод радиоприемников), завод «Эталон», завод карданных валов, станкоинструментальный завод., которые остались лишь в памяти иркутян.

Красноречивым свидетельством глубокого системного разлада в промышленности Иркутской области является массивный сброс объемов промышленного производства и вялая тенденция его роста. Лишь в 2014 г., т. е. спустя 23 года после удара шоковой терапии, произошло восстановление дореформенного уровня промышленного производства 1991 г. При этом, как показывает его хронологический ряд (табл. 2), наверстывание объемов производства до 2010 г. шло довольно медленно, отражая затяжные деструктивные процессы в индустрии региона.

Вызывает досаду, что индекс обрабатывающих производств Иркутской области в 2015 г. составил только 68,7 % от уровня 1991 г. Налицо неравномерность динамики промышленного производства: его индекс в последние годы увеличивался преимущественно благодаря росту добычи полезных ископаемых, прежде всего нефти. В результате произошла консервация сырьевой специализации индустрии региона из-за преобладающего наращивания производства в нефтегазовом комплексе.

Современное положение индустриального комплекса Иркутской области характеризуют следующие показатели официальной статистики:

1. Низкий уровень использования мощностей промышленных предприятий Иркутской области по производству крупы — 12,3 %; сыра — 15,5 %; обуви — 16,8 %; стали — 16,9 %; муки — 23,7 %; масла животного — 27,8 %; конструкций строительных сборных железобетонных — 31,1 %; макаронных изделий — 33,3 %; конструкций строительных сборных из стали — 33,9 %; хлеба и хлебобулочных изделий — 35,0 %⁵.

2. Доля убыточных предприятий в обрабатывающих производствах в 2014–2015 гг. стабильна и равна 31,1 %, в добыче полезных ископаемых — 26,7 %, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 68,8 %.

3. Степень износа основных фондов в обрабатывающих производствах промышленности составила 53,7 %, в добыче полезных ископаемых — 23,6 %, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 55,0 % (конец 2013 г.).

4. Рентабельность продукции в обрабатывающих производствах в 2014 г. достигла лишь 15,2 %.

5. Среднегодовая численность работников в обрабатывающих производствах сократилась со 185,4 тыс. чел. в 2000 г. до 103,8 тыс. чел. в 2014 г.

Злободневная проблема региональной индустрии — слабый уровень инновационной деятельности предприятий, что сводит на нет перспективы их дальнейшего наукоемкого развития. Только 18 предприятий производили инновационные товары, работы, услуги, а объем инновационной продукции предприятий составил 2,5 % к общему объему отгруженной ими продукции. Доля инновационно активных предприятий в области, осуществляющих технологические инновации, в 2014 г. была 7,2 % (по России — 8,8 %), а если рассмотреть по видам деятельности, то в обрабатывающих производствах — 10,2 % (по

⁵ Промышленное производство Иркутской области : стат. сб. / Иркутскстат. Иркутск, 2015. 96 с.

Таблица 2

Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности Иркутской области в 1991–2015 гг., % к 1991 г.

Показатель	1991	2000	2005	2010	2013	2014	2015 (расчетно)
Индекс промышленного производства	100,0	44,0	58,3	75,1	96,9	101,2	105,8
Добыча полезных ископаемых	100,0	35,7	39,3	67,5	150,5	166,9	183,1
Обрабатывающие производства	100,0	41,9	53,8	63,7	65,8	67,4	68,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,0	72,0	108,4	121,4	116,9	109,1	105,7

Составлено по: Иркутская область в цифрах. 2014 : стат. сб. / Иркутскстат. Иркутск, 2015. С. 61; Мониторинг социально-экономического развития Иркутской области в 2015 году [Электронный ресурс]. URL : http://irkobl.ru/sites/economy/zakon_210_fz/SER_2015.pdf.

России — 12,2 %), при производстве и распределении электроэнергии газа и воды — 3,0 % (по России — 4,5 %)⁶. Словом, инновационный уровень промышленности Иркутской области значительно отстает от среднероссийского уровня и показателей передовых стран с высокотехнологичной индустрией.

При этом на исполнение Закона Иркутской области «Об областной государственной поддержке научно-технической и инновационной деятельности» от 5 мая 2004 г. № 21-оз планировались мизерные расходы: в 2013 г. — 4,5 млн р., 2014 г. — 4,0 млн р., 2015 г. — 4,5 млн р. На реализацию научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок на территории области также выделялись символические средства: в 2013 г. всего 8,9 млн р.; 2014 г. — 23,3 млн р.; 2015 г. — 23,0 млн р.

Зашоренность последователей монетаристского учения и принижение роли государственного управления в ошеломляющем потоке трансформационных перемен и, как результат, крутизна падения показателей функционирования промышленности Иркутской области оборачиваются тем, что отсутствует весомая организационно-финансовая поддержка инновационного развития индустриальных комплексов и венчурной деятельности предприятий по производству вы-

сокотехнологичной и наукоемкой продукции. Наряду с этим усложняется формирование инвестиционно-привлекательных площадок для расширения и модернизации существующих и создания новых перспективных производств, снижается востребованность инноваций предприятиями индустрии. Нельзя признать решенными проблемы преодоления негативных сдвигов в структуре потребляемых предприятиями ресурсов и их дисбаланса вследствие либерализации ценообразования и урезания возможностей полноценного банковского кредитования, формирования эффективного адаптивного менеджмента предприятий к требованиям экологии, рационального использования природных запасов и качества воспроизводства трудовых ресурсов.

Таким образом, Приангарье в пореформенный период продолжает сохранять статус региона, промышленность которого ориентирована на сырьевые рынки, с доминированием первичных секторов экономики с низкой долей добавленной стоимости в выпускаемой продукции. Доктринерство в отношении либерально-рыночной ортодоксии и пренебрежение инструментами государственного управления лишают индустриальный комплекс России и Иркутской области действенного механизма регулирования его функционирования и развития на фоне коренных институциональных перестроек и напористых вызовов глобализации внешне-экономических отношений.

⁶ Инновационная активность предприятий. 2014 : стат. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2015. 33 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голиченко О. Г. Об одном подходе к макроэкономическому моделированию процессов функционирования народного хозяйства в переходный период / О. Г. Голиченко // Экономика и математические методы. — 1995. — Т. 31, вып. 1. — С. 19–29.
2. Моисеев Н. Н. Динамика биосферы и глобальные модели (концепции и проблемы) / Н. Н. Моисеев // Число и мысль : сборник / под науч. ред. Н. Н. Моисеева. — М. : Знание, 1982. — Вып. 5. — С. 56–113.
3. Чупров С. В. Управление устойчивостью производственных систем: теория, методология, практика / С. В. Чупров. — 2-е изд., испр. и доп. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 354 с.
4. Абалкин Л. И. Размышления о стратегии и тактике экономической реформы / Л. И. Абалкин // Вопросы экономики. — 1993. — № 2. — С. 4–11.
5. Аганбегян А. Г. О стратегии социально-экономического развития и направленности социальных реформ в России / А. Г. Аганбегян // Экономическая наука современной России. — 2003. — № 2. — С. 26–38.
6. Львов Д. С. О стратегических проблемах долгосрочного развития / Д. С. Львов // Экономическая наука современной России. — 2003. — № 2. — С. 17–25.
7. Федоренко Н. П. Россия: уроки прошлого и лики будущего / Н. П. Федоренко. — М. : Экономика, 2000. — 489 с.
8. Реформы глазами американских и российских ученых / под общ. ред. О. Т. Богомолова. — М. : Фонд «За экономическую грамотность», 1996. — 272 с.
9. Гэлбрейт Дж. К. Почему правы не правы / Дж. К. Гэлбрейт // Известия. — 1990. — 1 февр.
10. Некипелов А. Российский кризис и рационализация экономической стратегии / А. Некипелов // Российский экономический журнал. — 1999. — № 1. — С. 3–15.
11. Коптюг В. А. Избранные труды / В. А. Коптюг. — М. : Наука, 2006. — Т. 4 : Информатика. Экология. Устойчивое развитие. — 503 с.
12. Программа социально-экономического развития г. Иркутска до 2007 года / Н. В. Амбросов, Л. Л. Антонова, О. Н. Баева, Г. В. Давыдова, С. В. Чупров [и др.] ; под ред. В. И. Самарухи. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. — 290 с.
13. Программа комплексного социально-экономического развития города Иркутска на 2008–2020 годы / Н. В. Амбросов, Т. Д. Бурменко, И. В. Бычков, М. И. Кузьмин, С. В. Чупров [и др.] ; под ред. М. А. Винокурова, В. И. Самарухи. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — 413 с.

14. Программа социально-экономического развития Иркутской области на 2006–2010 годы / Н. И. Воропай, Н. Н. Даниленко, М. И. Кузьмин, Т. В. Сорокина, С. В. Чупров [и др.] ; под ред. М. А. Винокурова, В. И. Самарухи. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — 360 с.
15. Промышленность Иркутской области: проблемы, потенциал и перспективы развития / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов, С. В. Чупров, Л. В. Гуляева [и др.]. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 272 с.
16. Последствия вступления России во Всемирную торговую организацию для региональной экономики / А. П. Киреенко, Д. Ю. Федотов, Л. В. Санина [и др.]. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 252 с.
17. Иркутская область в XXI веке: проблемы и ресурсы развития / А. П. Киреенко, С. В. Чупров, Л. В. Санина [и др.]. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 422 с.

REFERENCES

1. Golichenko O. G. An approach to macroeconomic modeling of the national economy processes during the transition period. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*, 1995, vol. 31, iss. 1, pp. 19–29. (In Russian).
2. Moiseev N. N. Biosphere dynamics and global models (concepts and challenges). In Moiseev N. N. (ed.). *Chislo i mysli' [Number and thought]*. Moscow, Znanie Publ., 1982, iss. 5, pp. 56–113. (In Russian).
3. Chuprov S. V. *Upravlenie ustoychivostyu proizvodstvennykh sistem: teoriya, metodologiya, praktika [Managing the sustainability of production systems: theory, methodology, practice]*. 2nd ed. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2012. 354 p.
4. Abalkin L. I. Reflections on strategy and tactics of the economic reform. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1993, no. 2, pp. 4–11. (In Russian).
5. Aganbegyan A. G. Strategy and focus of social-economic development and social reforms in Russia. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2003, no. 2, pp. 26–38. (In Russian).
6. L'vov D. S. Strategic challenges of the long-term development. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2003, no. 2, pp. 17–25. (In Russian).
7. Fedorenko N. P. *Rossiya: uroki proshlogo i liki budushchego [Russia: lessons from the past and vision of the future]*. Moscow, Ekonomika Publ., 2000. 489 p.
8. Bogomolov O. T. (ed.). *Reformy glazami amerikanskikh i rossiiskikh uchenykh [Reforms through the eyes of American and Russian scientists]*. Moscow, Russian Economic Journal Publ., Fund «For economic literacy» Publ., 1996. 272 p.
9. Gelbreit Dzh. K. Why the right-wingers are wrong. *Izvestiya*, 1990, February 1. (In Russian).
10. Nekipelov A. Russian crisis and rationalization of economic strategy. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 1999, no 1, pp. 3–15. (In Russian).
11. Koptyug V. A. *Izbrannye trudy [Elected Works]*. Moscow, Nauka, 2006. Vol. 4. 503 p.
12. Ambrosov N. V., Antonova L. L., Baeva O. N., Davydova G. V., Chuprov S. V. et al. ; Vinokurov M. A., Samarukha V. I. (eds). *Programma sotsialnoekonomicheskogo razvitiya g. Irkutsk do 2007 goda [The program of Irkutsk socio-economic development before 2007]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2003. 290 s.
13. Ambrosov N. V., Burmenko T. D., Bychkov I. V., Kuz'min M. I., Chuprov S. V. et al. ; Vinokurov M. A., Samarukha V. I. (eds). *Programma kompleksnogo sotsialnoekonomicheskogo razvitiya g. Irkutsk na 2008–2020 gody [The program of Irkutsk complex socioeconomic development in 2008–2020]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2007. 413 p.
14. Voropai N. I., Danilenko N. N., Kuz'min M. I., Sorokina T. V., Chuprov S. V. et al. ; Vinokurov M. A., Samarukha V. I. (eds). *Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Irkutskoi oblasti na 2006–2010 gody [The Socio-Economic Development Programme for Irkutsk region for 2006–2010]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2007. 360 p.
15. Vinokurov M. A., Sukhodolov A. P., Chuprov S. V., Gulyaeva L. V. et al. *Promyshlennost Irkutskoi oblasti: problema, potentsial i perspektivy razvitiya [Industry of Irkutsk region: problems, potential and development prospects]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2012. 272 p.
16. Kireenko A. P., Fedotov D. Yu., Sanina L. V. et al. *Posledstviya vstupleniya Rossii vo Vsemirnyuyu trgovuyu organizatsiyu dlya regional'noi ekonomiki [The consequences of Russia's entry into the World Trade Organization for the regional economy]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013. 252 p.
17. Kireenko A. P., Chuprov S. V., Sanina L. V. et al. *Irkutskaya oblast' v XXI veke: problemy i resursy razvitiya [Irkutsk region in the 21st century: problems and development resources]*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014. 422 p.

Информация об авторе

Чупров Сергей Витальевич — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: chuprov@bgu.ru.

Author

Sergey V. Chuprov — Doctor habil. (Economics), Professor, Vice-Rector for Research, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: chuprov@bgu.ru.

Библиографическое описание статьи

Чупров С. В. Веха реформ промышленности России и Иркутской области: либерально-рыночный романтизм и реализм государственного управления / С. В. Чупров // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 2. — С. 204–212. — DOI : 10.17150/1993-3541.2016.26(2).204-212.

Reference to article

Chuprov S. V. Reform milestone for the industry of Russia and Irkutsk Region: liberal market romanticism vs realism of governance. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Bulletin of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 204–212. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.27(2).204-212. (In Russian).